

© 2000 г. В.В. БЫКОНЯ, Н.Г. КУЗНЕЦОВА

САМОДИЙСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ А.П. ДУЛЬЗОНА

Одним из крупных научных центров, где интенсивно ведутся исследования в области самодийского языкознания, является в настоящее время Томский государственный педагогический университет. Истоки научных изысканий томских исследователей уходят в начало 50-х годов, когда начался сбор полевых материалов бесписьменных языков Сибири, сначала селькупского, затем нганасанского и энецкого. Первые записи по названным языкам были произведены непосредственно А.П. Дульзоном, основателем томской лингвистической школы. Они составили базу для научного описания бесписьменных языков малочисленных народностей, проживающих на территории Томской, Тюменской областей и на севере Красноярского края.

Научное описание селькупского языка, на котором впоследствии сконцентрировалось внимание томских лингвистов, началось с исследования его топонимии [Беккер 1965, рукопись]. Эта работа была выполнена под руководством А.П. Дульзона. В начале 70-х годов в центре его научного внимания находились также вопросы диалектного членения селькупской языковой территории. Селькупы, расселившись на огромном пространстве Обь-Енисейского междуречья, где проживали изолированно небольшими языковыми группами, не создали общенародного языка. По мнению А.П. Дульзона, то, что сегодня называют селькупским языком, представляет собой совокупность диалектов и говоров, объединенных общей структурной моделью, звуковые элементы которой составляют ряды закономерных соответствий. Исходя из этнолингвистического принципа в сочетании с географическим, он определил пять диалектных групп, которые представляют собой остатки прежних племен, выделившихся из общей массы народа в соответствии с былыми родовыми подразделениями при помощи определенного самоназвания: селькуп – на Тазе и Енисее, чумылькуп – на Васюгане и Тyme, сюсюкум – на Кети, шёшкум или шёшкуп – на Оби выше Нарыма, тюйкум – на нижнем течении Чулыма. Данная схема территориально-диалектного членения с учетом былых родоплеменных связей прошла проверку временем и сохраняется в качестве рабочей схемы до сих пор.

Наиболее значительными работами томских ученых в области самодийского языкознания 70-х годов являются научные статьи и монографические описания [Дульзон 1970; 1971; 1974; Морев 1973 (рукопись); Больдт 1974 (рукопись); Воеводина 1974 (рукопись)]. Все работы были выполнены в рамках комплексной программы "Происхождение аборигенов Сибири и их языков". В них поднимаются проблемы, представляющие интерес не только для самоедологии как самостоятельной отрасли науки, но и для сравнительно-исторической уралистики в целом. В число таких вопросов входят, например, чередование гласных в ауслауте основы имени; аналитические глагольные образования и их синтетические аналоги; словообразовательные модели имени и т.п.

С 1973 года после смерти А.П. Дульзона научное описание селькупского языка проходило под руководством Э.Г. Беккер и далее уже ее учеников В.В. Быконя, Н.Г. Кузнецовой, А.А. Ким. В этот период интенсивно изучалась морфология имени [Беккер 1978; Алиткина 1978, рукопись]. Монография Э.Г. Беккер представляет собой первый обобщающий труд, посвященный описанию селькупской падежной системы.

который послужил перспективному направлению исследования селькупской морфологии в целом.

Системному описанию подверглись как лексико-грамматические разряды, так и отдельные грамматические категории [Быконя 1983 (рукопись); Кузнецова 1986 (рукопись); Ким 1986 (рукопись); Ильяшенко 1989 (рукопись); Гальцова 1993 (рукопись)]. Ряд научных статей с ценной информацией о состоянии категории числа имени существительного в синхронии опубликован Н.П. Максимовой, среди них [Максимова 1983; 1984; 1985а; 1985б; 1985в].

В 1985 году Э.Г. Беккер защитила первую докторскую диссертацию по селькупскому языку [Беккер 1985]. Позднее под научным руководством Э.Г. Беккер была создана монография, посвященная именным частям речи [Беккер, Алиткина, Быконя, Ильяшенко 1995]. Монографическое описание систематизирует результаты проведенных исследований на материале селькупских диалектов южной группы, выявляет особенности каждого из них, устанавливает сходства и различия между диалектами в плане именной морфологии. Для сопоставления регулярно привлекаются данные по северной диалектной группе. В результате указанная монография приобретает характер сопоставительного и сравнительно-исторического исследования с широким охватом проблем и глубоким проникновением в особенности строя селькупских диалектов. Одновременно в ней закладываются основы диалектологии селькупского языка. Работа позволяет проследить путь становления и развития диалектов языка, онтологию грамматических категорий имени.

В морфологии падежной системы имен существительных селькупского языка отражаются структуры, которые относятся к разным хронологическим слоям языкового развития. Так, номинатив с нулевой флексией, генитив на *-n*, аккузатив на *-m* восходят к уральскому языку-основе. К общесамодийскому периоду восходят падежные суффиксы локатива *-qin*, латива *-ti*, *-nti*, пролатива *-min*. Социатив на *-nse*, *-se* (*-he*, *-e*) является достоянием южносамодийской общности – камасинско-селькупской ветви.

Дальнейшая эволюция падежных аффиксов имен существительных восходит уже к общеселькупскому периоду. К этому хронологическому срезу относится становление каритива на *-galik* и дестинатива-транслатива на *-qo* (*-tqo*), *-go* (*-ngo*). Аблатив на *-nani*, *-qini* и латив на *-nik* также могут быть отнесены к этому периоду развития селькупской падежной системы. Во время территориального дробления и обособления диалектов в южноселькупском ареале (Томская область) формируются локатив на *-nan*, локатив-аблатив на *-nan* (< **nani*), пролатив-аблатив на *-min*, латив на *-ni*, аблатив на *-nanto*, *-qinto* и др. Южноселькупской инновацией является и транслатив на *-βl'e*, *-l'e*, *-l'e*.

Исследование фонетического строя и фонологической системы южных диалектов проходило в конце 70-х – начале 80-х годов под научным руководством доцента Ю.А. Морева. Этим проблемам посвящены диссертационная работа Н.В. Деннинг [Деннинг 1983] и цикл статей Ш.Ц. Купера, освещающих особенности фонетического строя кетского диалекта селькупского языка. Установление фонемного состава и описание важнейших фонетических процессов, действующих в системе того или иного диалекта, проводилось с применением методов экспериментально-фонетических исследований. При этом не остались без внимания причины озвончения, спондизации, геминации и лабиализации согласных. Количественное непостоянство селькупского вокализма связывалось с явлениями просодического порядка, в частности, с движением основного тона и распределением интенсивности в гласном.

Ю.А. Морев, разрабатывая вопросы диалектной фонетики, обнаружил, что ведущей тенденцией развития селькупского консонантизма является тенденция ступенчатого ослабления артикуляционной напряженности – для каждого диалекта отмечается своя ступень, отражающая существенную неравномерность развития консонантизма по диалектам в количественном и качественном отношении. Характерно то, что диалектные различия в области консонантных систем складываются почти всегда на базе модальных, а не локальных признаков – это безусловно должно квалифицироваться

в качестве одной из существеннейших особенностей селькупской артикуляционно-акустической базы.

Этапы развития селькупских согласных по диалектам отражены в ряде таких изменений, как: спирантизация смычных, аффрикатизация (частный случай спирантизации), деаффрикатизация, т.е. разложение аффрикат по линии устранения смычного элемента и сохранения целевого элемента; переход взрывных в гомоганные носовые, упрощение геминат или долгих согласных, озвончение исконных глухих, лабиализация согласных, вокализация согласных (с последующим возможным выпадением).

Динамика изменений консонантных систем в селькупских диалектах складывается в целом циклически, но по форме она не возвратно-поступательная, а идет как бы по спирали, отражая тем самым общую диалектику развития материи. Далее, она протекает по закономерностям вероятностных процессов, которые реализуются по-своему в разных диалектах, причем зачастую не без катализирующего влияния соседних языков и диалектов.

В консонантных изменениях селькупского языка отражаются все три типа фонологических преобразований – расщепление, слияние и сдвиг. Совокупности подобных изменений в каждом из селькупских диалектов представляют собой довольно пеструю картину, однако Ю.А. Морев показал, что каждый диалект характеризуется некоторым минимально необходимым и в то же время вполне достаточным комплексом признаков, дифференцирующим его от других в области консонантизма (как, впрочем, и в остальных языковых сферах).

Кроме фонетической тематики Ю.А. Морев много занимался и вопросами селькупской этно- и социолингвистики, что непосредственно вело к попытке решения различных аспектов проблемы национальной консолидации и ревитализации селькупов как этноса. В 1986–1992 гг. он ежегодно участвовал в полевой работе Комплексной Селькупской Экспедиции (КСЭ), организованной и возглавляемой сотрудником Института этнографии АН СССР В.И. Васильевым. По материалам этих экспедиций планировалось издать три тома коллективной монографии, где Ю.А. Мореву отводилось две главы, однако с кончиной в 1993 г. В.И. Васильева издание отодвинулось на неопределенный срок. Тем не менее часть материалов, собранная Ю.А. Моревым в составе КСЭ, легла в основу публикаций и докладов на различных конференциях. Кроме того эти материалы помогли решить ряд прикладных вопросов при определении диалектной базы обучения селькупскому языку как родному, они учитывались при создании письменности для южных селькупов, выработке языковой нормы и т.п.

В целом в 70-е – 80-е годы на основе материалов полевых исследований появилось достаточно много исследовательских работ – статей, диссертаций, описывающих различные аспекты строя селькупского языка. При этом, как видно, более интенсивному изучению подвергались фонетика и фонология, морфология имени, служебные слова, тогда как южноселькупскому глаголу и синтаксису южноселькупского предложения уделялось меньше внимания. В конце 80-х – начале 90-х годов положение заметно меняется: глагол как ядерная часть речи оказывается в центре внимания и теоретиков общелингвистического плана, и языковедов, исследующих глагольные категории конкретных языков. Из печати выходит серия статей, посвященных описанию грамматических категорий селькупского глагола [Кузнецова 1991; 1992а, 1992б 1993а, 1993б 1994а, 1994б, 1995а, 1995б, 1996]. Эта работа – яркий пример того, как на базе реально описываемого языка рождается новая теория морфологического анализа. Развиваемая автором концепция построения общеселькупской модели глагольной системы с привлечением асимметричных явлений и определение основных линий ее развития от этой модели демонстрирует органическое сочетание определенной теоретической гипотезы с глубокой проработкой фактических данных, подтверждающих гипотезу не на выборочном материале, а на всем корпусе исследовательских фактов. Самой ценной особенностью работы оказывается обобщенное описание селькупской глагольной парадигмы с учетом диалектных данных, выполненное на единых и последовательных принципах. Данный труд является также первой попыткой приблизиться к синхронно-

типологическому изучению глагола на материале различных языков уральской, алтайской и индоевропейской языковых семей. Последовательно сравнивая глагольные системы всех диалектов, Н.Г. Кузнецова внесла заметный вклад и дальнейшее развитие селькупской диалектологии.

Исследование селькупской глагольной парадигмы имеет существенное значение для развития исторической самодологии в целом. Оно позволяет заметно расширить, дополнить, углубить и усовершенствовать целый ряд принятых ранее в исторической самодологии трактовок и решений. Н.Г. Кузнецовой впервые удалось вскрыть механизм развития самодийских финитных и инфинитных форм на базе так называемых (от)глагольных имен прасамодийского с опорой на концепцию полипредикативного синтаксиса, которая разрабатывалась и развивалась в Институте филологии СО РАН под руководством М.И. Черемисиной. Одновременно был уточнен объем понятия "(от)глагольное имя", особенно в части его функционирования, которое не-уралистами все еще приравнивается к обозначению синкретичной основы, объединяющей в себе свойства глагола и имени.

В самодийских языках выделяются два подкласса глагольных словоформ – финитные (формы наклонений и времен) и инфинитные (деепричастия, причастия, инфинитив, имена действия). Сферы употребления финитных и инфинитных форм пересекаются в зависимой части полипредикативных конструкций. Обычно это синтаксические структуры бессоюзного типа, но допускающие введение подчинительных союзов, нередко заимствованных из русского языка. Так, в частности, было установлено, что сфера употребления финитных и инфинитных форм, содержащих в своей структуре одинаковые суффиксальные элементы, сходится в одном и том же семантическом типе подобных построений. Если материальная идентичность суффиксальных элементов в инфинитных и финитных формах свидетельствует о наличии у них общих источников, а именно, суффиксов (от)глагольных имен, то совпадение сфер функционирования указывает, что употребление самодийских (от)глагольных имен исходно было связано не с простым предложением. (От)глагольные имена обладали событийным характером, но не были способными представлять ситуации в достаточной полноте, как и современные инфинитные формы. Поэтому (от)глагольные имена были функционально привязаны к финитному глаголу (ср. для прауральского периода точку зрения П. Хайду [Хайду 1985]).

Становление финитных и инфинитных форм на базе (от)глагольных имен было связано с их способностью образовывать полипредикативные конструкции. (От)глагольные имена выполняли в них одновременно две функции: внешнюю функцию обстоятельства или определения по отношению к главной части и внутреннюю функцию предиката в зависимой части конструкции. Для первоначального этапа была характерна морфологическая невыраженность внешней и внутренней функции у (от)глагольных имен, что отмечается частично в современном состоянии самодийских языков. Постепенно и та, и другая функция начинают получать морфологическое выражение. Выделение внешней функции обусловило становление форм адъективного типа (причастий) и адвербиального типа (деепричастий). С выделением у (от)глагольных имен внутренней функции предиката за счет присоединения личных окончаний создавались предпосылки для разделения частей полипредикативной конструкции. (От)глагольные имена включались в систему финитного глагола, конкретизировали свою семантику и занимали определенное место в словоизменительной парадигме.

Исследования показали, что интеграция самодийских (от)глагольных имен в систему временных форм осуществляется через категорию временной отнесенности. Ее формы имеют в качестве точки отсчета любой нефиксированный ситуативный момент, который задает угол зрения участника ситуации. Отнесенность процесса к ситуативному моменту предполагает его особую актуальность для конкретной ситуации, смысловую связь с ним, тогда как предшествование или одновременность моменту речи лишь локализует процесс во времени. Соответственно условиями преобразования форм временной отнесенности является регулярная синхронность ситуативного момента

моменту речи и неактуальность связи процесса с конкретной ситуацией. Выполнение этих условий свидетельствует о темпорализации форм временной отнесенности.

В работах Н.Г. Кузнецовой находят свое дальнейшее развитие теоретические положения московских исследователей северной группы селькупских диалектов — А.И. Кузнецовой и Е.А. Хелимского. В первую очередь это касается категории вида в селькупском языке. Итогом аспектологических исследований, проведенных на материале южных диалектов, явилось определение системного статуса категории глагольного вида в селькупском языке, плана ее содержания и плана выражения, выявление асимметрии содержательной и формальной сторон категории как отражение динамики ее развития.

Категория вида и проблемы, связанные с данным понятием, несмотря на давность интереса к теме, продолжают привлекать к себе внимание лингвистов до настоящего времени. В рамках изучения категории вида зародилось также особое направление — типология вида. Вид и способы действия изучаются типологически в разноструктурных языках, а также в родственных языках и даже в диалектах одного языка. Типологическим описанием средств выражения способов глагольного действия южноселькупского глагола в отношении к предельности/непредельности и виду, количественным характеристикам действия и фазовой структуре процесса, а также установлению специфики южноселькупских диалектов по сравнению с ранее описанными северными диалектами в плане грамматической акциональности посвящено диссертационное исследование Л.М. Болсуновской [Болсуновская 1998], выполненное под руководством Н.Г. Кузнецовой. Интерес к селькупскому глаголу и результаты, полученные в ходе аспектологических исследований на материале данного языка, будут стимулировать изыскания в этом направлении и по другим языкам самодийской группы.

На этот же период времени приходится развернутое исследование селькупских числительных. В.В. Быконя рассматривает числительные как систему счетных слов, что снимает проблему регулярной функциональной транспозиции однокоренных слов в одних и тех же формах. К объекту исследования она подходит как к системе, сопоставимой с системами других близкородственных языков, решая тем самым целый ряд конкретных задач историко-этимологического и синхронно-системного порядка. В своих изысканиях В.В. Быконя опирается на диахроническое изучение языка в его связи с историей и культурой этноса, предлагает на основе семантики числительных и символики чисел свою интерпретацию концептуальной картины мира и логико-грамматических языковых явлений. Данное исследование стало возможным благодаря тому, что научное описание селькупских диалектов достигло такого уровня, который позволяет диахроническое рассмотрение языковых фактов. Это ведет, в свою очередь, к выявлению основных тенденций в развитии системы селькупского языка и изменения элементов ее структуры.

Работа В.В. Быконя — первое исследование в самодологии, которое было проведено в философско-логическом и этнолого-культурологическом ключах. Опора на специфику номинации и систему словообразовательных отношений дает автору право признать числительные особой частью речи и рассматривать их как единую лексико-грамматическую систему, представленную следующими разрядами: количественные, порядковые, собирательные и разделительные числительные [Быконя 1996б; 1998].

Лексико-семантическую базу всей системы числительных в селькупском языке составляют числительные первого десятка, а также пятнадцать, двадцать и сто. В.В. Быконя уделяет этимологии перечисленных числительных должное внимание, реконструируя в итоге праселькупское состояние системы числительных. Особенности данной системы находятся в определенной связи с процессами становления самодийского этноса, которые обусловили специфику системы селькупских числительных. С опорой на взаимосвязь языка и мышления В.В. Быконя воспроизводит начальный этап в становлении счета, выявляет этимологические корни, первоначальное значение которых восстанавливается через связь семантики числительного со значением числа в мировосприятии селькупов, а также через широкий круг диахронически однокоренных

слов. Историко-этимологические исследования проведены в типологическом и сравнительно-историческом планах на базе материалов финно-угорских, тюркских, индоевропейских и других языков.

Заслуживают особого внимания выводы В.В. Быконя об исторических изменениях моделей сложных числительных. В частности, селькупское числительное "9" представляет собой одну из последних инноваций в счетной системе языка, произошедших в последние два столетия. Его словообразовательная модель уподобляется модели числительного "8" "два отсутствующий десять" и приобретает вид "один отсутствующий десять". В настоящее время селькупские числительные "8" и "9" в самодийской языковой группе обособлены. Общесамодийская модель числительного "8" – "2 x 4" была вытеснена моделью "два отсутствующий десять" под влиянием внешних факторов еще до письменных фиксаций. Числительное "9", обнаруживающее на предшествующих хронологических срезах непоследовательности в моделировании, следует считать результатом внутреннего развития языка.

В.В. Быконя подробно исследует наименования числа "9" во всех самодийских языках. В ненецком языке оно означает "самодийское десять", "иноплеменное десять", "русский десяток". В связи с этим возникает вопрос о том, в каком соотношении находятся друг к другу ненецкие "9" и "10". Этот вопрос неоднократно поднимался как в самоедологии, так и в уралистике. Ответ на него заключался, по мнению уралистов, в том, что связка, содержащая девять шкурок, соответствовала "ненецкой связке", а содержащая десять шкурок была "русской связкой". Таким образом, наименование "9" в ненецком языке ставится в прямую зависимость с обменом товарами между ненцами и русскими, в связи с чем перед обозначением "10" *ju'* появляется определение *lusa* "русский". Для ненцев становится актуальной новая меновая единица, которая состояла у русских из десяти шкурок и соответствовала ненецким девяти. На первый взгляд возникает противоречие между системой счета и меновой единицей, которая соответствовала у ненцев девяти. В.В. Быконя считает, что, если исходить из модели образования числительного "9", а не из количества шкурок в связке, то это противоречие снимается. Базовым компонентом наименования "9" в ненецком языке является *ju'* "10". Обозначения "9" представлены словосочетаниями *lasawa ju'* и *habi ju'*, в которых основная смысловозначительная функция приходилась на определения *lasawa* и *habi*, но в сознании говорящих эти определения существенной роли не играли. Дойдя при счете до "9", ненцы сталкивались с обозначением *ju'* "10", которое служило изначально определенным числом-совокупностью. Обозначения "9" представлены словосочетаниями *lasawa ju'* и *habi ju'*, в которых основная смысловозначительная функция приходилась на определения *lasawa* и *habi*, но в сознании говорящих эти определения существенной роли не играли. Несоответствие между системой счета и единицей обмена вызвано особенностями наименования "9" и связано с глубинными процессами формирования сознания народа. В обозначении числа "9" у самодийцев была заложена общая идея: "9" воспринималось как число, находящееся в непосредственной близости от рубежа, соответствовавшего определенному числу-совокупности.

Исследование всех разрядов числительных В.В. Быконя проводит, придерживаясь принципов исторической диалектологии и сопоставления с разноструктурными языками. Порядковые числительные имеют диалектный инвентарь морфологических и фонетических вариантов суффикса, которых насчитывается восемь разновидностей. Многообразие средств выражения порядковости свидетельствует о наличии в праселькупском нескольких архетипов. Они были присущи разным уральским диалектам и реализовались соответственно по-разному в селькупских диалектных подразделениях.

В диалектном материале селькупского языка обнаруживаются два способа выражения собирательности: морфологический, с разветвленной вариативной системой грамматических форм, и синтаксический, с меньшим количеством вариантов. В процессе исторических изменений в диалектах это разнообразие форм как следствие унификации и нивелирования грамматических показателей сокращается. Собирательность начала формироваться в сфере 3-го лица. Для ее выражения использовались

элементы морфологической структуры, отражающие два разнонаправленных процесса. Один из них протекал в русле формирования числа через дробление целого на части, первоначально надвое. Исходным значением форманта *-qi* была конкретная членимость. Другой процесс был противоположно направленным первому и предполагал слияние двух частей воедино, что морфологически выражалось через формант *-ja*. Таким образом становление собирательности проходило через ступень конкретной множественности как результата деления целого на части, с одной стороны, и как слияния двух частей воедино – с другой стороны.

Особый интерес в исследованиях В.В. Быконя представляет выявление системных связей числовых наименований "1" – "2"; "4" – "5"; "3" – "6"; "9" – "10"; "8" – "10". На основе числительных первого десятка реконструируется мировоззрение селькупов в ключевых представлениях и понятиях. Осознание человеком мироустройства через самого себя выразилось в счетной цепочке до "7". Тернарная оппозиция "8–9–10" символизирует трехступенчатую картину мира, представляющую собой следующий этап более ранней бинарной системы представлений о мироздании. Опыт исследования числительных на материале селькупских диалектов может с успехом применяться не только в самоэдологии, но и в уралистике в целом.

В центре внимания лингвистов всего мира находятся в настоящее время и проблемы лексикологии. В последние десятилетия появляется все больше работ, демонстрирующих в той или иной степени принцип изучения языка как продукта человеческой культуры и в тесной связи с ней. В этом ключе проведено исследование селькупской культовой лексики как системы в сопоставлении с прауральским и прасамодийским состоянием. А.А. Ким обобщила результаты проведенного исследования в монографии [Ким 1997] и представила их в докторской диссертации [Ким 1999]. Монография являет собой первый опыт реконструкции культовой сферы на лингвистической основе и дает семантическую классификацию селькупской культовой лексики на основе ключевых сем. А.А. Ким предлагает свое видение взаимосвязи языковых и когнитивных процессов, релевантных для культурной парадигмы исследуемой эпохи. Это первый шаг к выработке специальных методов и приемов изучения лексики бесписьменных или младописьменных языков.

Культовая лексика подлежит толкованию, поскольку отражает сложные культурные реалии. Взаимоотношения культовой лексики и культурно-когнитивных процессов постулируются в исследованиях А.А. Ким как корреляция культурных и лингвистических абстракций. На эмпирической основе выявлены понятийные дескрипторы культовой сферы, которые на уровне языка получают реализацию в виде набора ключевых слов. Набор лексем представлен в качестве лексико-семантического субполя, внутри которого выявлены синонимические пары или ряды. Выражение данным слоем лексики общего семантического признака обусловлено воздействием культурной парадигмы.

Структурирование селькупской культовой лексики в соответствии с семантической культовой парадигмой вытекает из функций следующих культовых элементов: названия исполнителей культовых действий – субъектива культа; названия душ – объектива культа; названия предметов шаманизма и жертв – инструментала культа; названия культовых мест – локатива культа; названия сверхъестественных существ – адессива культа и названия культовых действий – процессива культа.

А.А. Ким разработала модель селькупской культовой лексики как полярной и шкальной системы на основе учета лексикологических и семантических единиц ее описания. На одном полюсе системы концентрируются лексемы, к которым применимы методы лексикологического анализа; на другом находятся семантические группы лексем, объединенных механизмом табуирования под некоторый общий смысл, к которым применим семантический анализ. Словоцентричный и смыслоцентричный полюса селькупской культовой лексики даются с промежуточными вариантами. В работе А.А. Ким впервые предлагается реконструкция фрагмента картины мира на лингвистической основе. Селькупский материал подтверждает антропоморфность картины мира и преимущественное совпадение этнических и религиозных границ.

Сегодня научная лингвистическая школа профессора А.П. Дульзона, успешно продолжая разработку комплексной программы "Происхождение аборигенов Сибири и их языков", интегрирует накопленные результаты исследований в сферу прикладной лингвистики. В 90-х годах были подготовлены к печати и опубликованы следующие работы [Быконя, Ким, Купер 1992; 1993; Беккер, Быконя, Ким, Морева 1994; Быконя, Ким, Максимова, Ильяшенко 1996; Быконя 1997, 1999].

Учебно-методический комплекс по селькупскому языку выполнялся в рамках социального заказа Ассоциации малочисленных народностей Томской области при финансовой поддержке Томского территориального центра Госкомсевера России. Он используется в учебном процессе в ряде школ с преподаванием родного языка Томской и Тюменской областей, а также в Томском государственном педагогическом университете в лаборатории языков народов Сибири.

Заметное место в работе томских лингвистов занимает сегодня лексикографическое описание селькупских диалектов. Двухязычный переводной селькупско-русский словарь, охватывающий материал пяти диалектов, представит по возможности в полном охвате слова селькупского языка в алфавитном порядке без объединения их в гнезда. Словарная статья состоит из селькупского слова в его начальной форме и перевода на русский язык адекватным по значению словом литературного языка. Значения селькупских слов выявляются из картотеки Лаборатории языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета. Многозначность слова иллюстрируется примерами из опубликованных источников и неопубликованных рукописных материалов. Работа по составлению словаря осуществляется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

Таким образом, самоедология развивается, а лингвистическая школа А.П. Дульзона вносит свой вклад в ее развитие. В настоящее время томскими учеными планируется системное изучение лексикологии, морфологии и синтаксиса других самодийских языков и прежде всего нганасанского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алиткина Л.А. 1978 (рукопись) – Имя прилагательное в селькупском языке. Томск, 1978 (рукопись).
- Беккер Э.Г. 1965 (рукопись) – Селькупская топонимика Сибири. Томск, 1965 (рукопись).
- Беккер Э.Г. 1978 – Категория падежа в селькупском языке. Томск, 1978.
- Беккер Э.Г. 1985 – Грамматические категории имени существительного в южных диалектах селькупского языка. Дис. ... докт. филол. наук. Томск, 1985.
- Беккер Э.Г., Быконя В.В., Ким А.А., Морева Л.В. 1994 – Пособие по селькупскому языку (книга для учителя). Томск, 1994.
- Беккер Э.Г., Алиткина Л.А., Быконя В.В., Ильяшенко И.А. 1995 (рукопись) – Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Ч. 1–2. Томск, 1995 (рукопись).
- Болсуновская Л.М. 1998 – Способы глагольного действия в диалектах селькупского языка. Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1998.
- Боальдт Е.П. 1974 (рукопись) – Образование имен прилагательных в нганасинском языке. Томск, 1974 (рукопись).
- Быконя В.В. 1983 (рукопись) – Структурно-семантическая характеристика локальных уточнителей в селькупском языке. Томск, 1983 (рукопись).
- Быконя В.В., Ким А.А., Купер Ш.Ц. – 1992 – Селькупско-русский, русско-селькупский словарь. Томск, 1992.
- Быконя В.В., Ким А.А., Купер Ш.Ц. 1993 – Шёшкуй букварь. Томск, 1993.
- Быконя В.В., Ким А.А., Максимова Н.П., Ильяшенко И.А. 1996 – Сказки нарымских селькупов (книга для чтения на селькупском языке). Томск, 1996.
- Быконя В.В. 1996 – Структурно-морфологическая система числительных и история ее формирования в диалектах селькупского языка. Дис. ... докт. филол. наук. Томск, 1996.
- Быконя В.В. 1997 – В помощь учителю селькупского языка для работы по букварю (Шёшкуй букварь). Методические указания. Томск, 1997.
- Быконя В.В. 1998 – Имя числительное в картине мира селькупов. Томск, 1998.

- Быконя В.В. 1999 – Шарватплэнд шешкуй шендмэ! Говори по-ше шкупски! (Селькупско-русский разговорник). Томск, 1999.
- Воеводина Н.М. 1974 (рукопись) – Аналитические глагольные конструкции в селькупском языке (деепричастие + вспомогательный глагол). Томск, 1974 (рукопись).
- Гальцова Н.П. 1993 (рукопись) – Морфологические средства передачи темпоральных отношений в диалектах селькупского языка (на материале тымского диалекта). Томск, 1993 (рукопись).
- Деннинг Н.В. 1983 – Фонетика тымского диалекта селькупского языка. Дис. ...канд. филол. наук. Томск, 1983.
- Дульзон А.П. 1970 – Общность падежных аффиксов самодийских языков с енисейскими // Вопросы финно-угроведения. Вып. V. Йошкар-Ола, 1970.
- Dulson A.P. 1971 – Über die räumliche Gliederung des Solkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // Советское финно-угроведение. Таллин. Т. VII. № 1. 1971.
- Дульзон А.П. 1974 – Падежная система в нганасанском языке // Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л., 1974.
- Ильяшенко И.А. 1989 (рукопись) – Местоименные слова в южных диалектах селькупского языка. Томск, 1989 (рукопись).
- Ким А.А. 1986 (рукопись) – Выражение категории притяжательности в диалектах селькупского языка. Томск, 1986 (рукопись).
- Ким А.А. 1997 – Очерки по селькупской культовой лексике. Томск, 1997.
- Ким А.А. 1999 – Селькупская культовая лексика как этнолингвистический источник: проблема реконструкции картины мира. Томск, 1999.
- Кузнецова Н.Г. 1986 (рукопись) – Глагольная подсистема кетского диалекта селькупского языка. Томск, 1986 (рукопись).
- Кузнецова Н.Г. 1991 – К вопросу об эволюции категории наклонения в диалектах селькупского языка // Linguistica Uralica. Tallinn, 1991. № 4.
- Кузнецова Н.Г. 1992a – Императив в южных диалектах селькупского языка // Linguistica Uralica. Tallinn, 1992. № 2.
- Кузнецова Н.Г. 1992b – Селькупские суффиксы залоговой семантики // Linguistica Uralica. Tallinn, 1992. № 4.
- Кузнецова Н.Г. 1993a – Конверсия в селькупском языке // Linguistica Uralica. Tallinn, 1993. № 3.
- Кузнецова Н.Г. 1993b – Категория времени в южноселькупских диалектах // Linguistica Uralica. Tallinn, 1993. № 4.
- Кузнецова Н.Г. 1994a – О категории глагольного вида в селькупском языке // Linguistica Uralica. Tallinn, 1994. № 2.
- Кузнецова Н.Г. 1994b – К систематизации явлений транспозиции в морфологической парадигме // Linguistica Uralica. Tallinn, 1994. № 3.
- Кузнецова Н.Г. 1995a – Категория числа и лица южноселькупского глагола // Linguistica Uralica. Tallinn, 1995. № 2.
- Кузнецова Н.Г. 1995b – Грамматические категории южноселькупского глагола. Томск, 1995.
- Кузнецова Н.Г. 1996 – Асимметричные явления и развитие селькупской глагольной парадигмы. Дис. ...докт. филол. наук. Новосибирск, 1996.
- Максимова Н.П. 1983 – Морфологический способ выражения множественности в южных диалектах селькупского языка // Вопросы енисейского и самодийского языкознания. Томск, 1983.
- Максимова Н.П. 1984 – Морфологический способ выражения двойственности в селькупском языке // Структура палеоазиатских и самодийских языков. Томск, 1984.
- Максимова Н.П. 1985a – Категория числа у имен существительных собирательного значения в селькупском языке // Структура самодийских и енисейских языков. Томск, 1985.
- Максимова Н.П. 1985b – Категория числа у имен существительных вещественной семантики // Лексика и грамматика языков Сибири. Барнаул, 1985.
- Максимова Н.П. 1985в – К вопросу о связи по способу соответствия в селькупском языке // Языки народов Сибири. Томск, 1995.
- Морев Ю.А. 1973 (рукопись) – Звуковой строй среднеобского (ласкинского говора) селькупского языка. Томск, 1973 (рукопись).
- Хайду П. 1985 – Уральские языки и народы. М., 1985.